

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

УДК 37.0

И. Ю. Лученецкая-Бурдина

Методика изучения «Исповеди» Л. Н. Толстого

Статья посвящена проблеме изучения автобиографического трактата Л. Н. Толстого «Исповедь». Изложены современные подходы к осмыслению содержательного и художественного планов произведения. Предложен план проведения практического занятия. Рассмотрены проблематика произведения, основные темы, характер развития конфликта и способы его художественного воплощения.

Ключевые слова: автобиографический трактат, антиномия, диалогизированный монолог, документально-личный и условно-символический планы, жанрово-стилевое своеобразие, мировоззрение, нравственно-этическая система.

I. Ju. Luchenetskaya-Burdina

Technique of Studying «Confession» by L.N. Tolstoy

The article is devoted to the problem of studying of the autobiographical treatise by L. N. Tolstoy "Confession". Modern approaches to understand substantial and art aspects of the work are presented. The plan of carrying out practical lesson is offered. Is regarded a range of problems of the work, main subjects, nature of the conflict development and ways of its artistic realization.

Key words: autobiographical treatise, antinomy, dialogized monologue, documentary-personal and conditional-symbolical aspects, genre-style originality, outlook, a moral-ethical system.

Изучение творчества Л. Н. Толстого в практике школьного преподавания традиционно ограничивается обстоятельным анализом «мысли народной» в романе-эпосе «Война и мир» и кратким обзором последующих произведений писателя, созданных в 1870–1910 гг. Подобная диспропорция не только нарушает логику изучаемого материала, но искажает и упрощает личность Толстого. В последние годы приходит осознание важности в жизни и творчестве писателя рубежа 1880-х гг., которые он называл «годами духовного рождения». На смену теории «двух Толстых» приходит понимание сложных процессов, происходящих в сознании художника.

В творческой биографии Л. Н. Толстого была книга, во многом предопределившая направление его духовно-нравственных поисков. Автобиографический трактат «Исповедь» (1879–1880, 1882) в судьбе писателя занимает центральное место и без знакомства с ним невозможно создать целостное представление о личности художника.

Изучение «Исповеди» в школе целесообразно проводить после знакомства учеников с романом

«Война и мир». Вопрос о том, почему Толстой, получивший известность и признание читателей после публикации романа, весьма критично отзывался о нем, создает для учащихся проблемную ситуацию и позволяет им создать собственные версии ответов. В зависимости от степени подготовленности учеников материал можно дать в виде лекции учителя, либо в виде практического занятия, что, безусловно, предпочтительнее, поскольку эта форма обучения более продуктивна при изучении проблемных тем.

План практического занятия может включать следующие вопросы:

1. Какое место занимает «Исповедь» в контексте творчества Л. Н. Толстого. Вспомните факты биографии писателя конца 70-х начала 80-х гг. XIX в. С чем связан так называемый «духовный перелом» художника, пережитый в эти годы? Как вы считаете, был ли он подготовлен предшествующим творчеством Толстого или явился неожиданностью?

2. Что означал для Толстого провозглашенный в «Исповеди» переход на позиции патриархального крестьянства? В чем выразилась соци-

альная переориентация писателя? Какие художественные принципы постижения мира Толстой провозгласил важнейшими? Как вы понимаете подзаголовок «Исповеди»?

3. В чем, по мнению Толстого, должен состоять главный интерес его книги: это – богословский труд, автобиографическое исследование, описание хода душевной жизни, философская книга? Соответствует ли замысел воплощению? Как вы определите главную тему «Исповеди»?

4. Как Толстой решает проблему взаимоотношения человека и мира? На чем основан конфликт произведения? Проследите по сюжету «Исповеди» основные этапы развития темы «человек-мир»: «бессознательный» этап жизни, «остановки» жизни и «ужас тьмы», постижение жизни людей «своего круга», открытие смысла жизни «всего человечества». Как изменяется характер конфликта в зависимости от постижения личностью глубины ее противоречий с истинным миром?

5. Художественное своеобразие «Исповеди». Рассмотрите структуру авторского образа (грешник-пророк), сопряжение в поэтическом строе книги автобиографического документализма и поэтической символики, ассоциативный принцип повествования. Объясните библейскую символику, присутствующую в произведении? Какова художественная значимость эпилога, завершающего «Исповедь»?

6. В чем, по мнению Толстого, спасение человечества? Как решает проблему воскресения личности Достоевский? В чем принципиальное отличие позиции Толстого?

Предложенный план практического занятия может быть скорректирован в зависимости от подготовленности класса и избранной учителем исследовательской стратегии. Далее мы предлагаем материал, который поможет учителю организовать изучение автобиографического трактата.

«Исповедь» заняла особое место в творчестве Толстого и определила направленность творческих устремлений художника на многие годы. Осознание того, что «жизнь, та форма жизни, которой живем теперь мы, христианские народы, <...> должна быть разрушена», что «она уже разрушена на главную половину – она разрушена в сознании людей» [6, с. 534, усиливало внимание к поиску смысла жизни, ее нравственного закона, обращало этот поиск в глубины собственной души. Это исследование Толстой начал с себя. В подзаголовке к «Исповеди» это произведение

обозначено как «Вступление к ненапечатанному сочинению». Под следующими частями подразумевались религиозно-филологические труды «Исследование догматического богословия» (1879–1880, 1884), «Соединение и перевод четырех Евангелий» (1880–1881), трактаты «Так что же нам делать?» и «В чем моя вера?» (1882–1884), «О жизни». По сути в «Исповеди» изложена программа всего последующего творчества писателя, содержится обоснование «направлений», которые несколько позже будут записаны в Дневнике: «...Нужно собирать все, что поражает, в двух направлениях: 1) “Обвинительный акт”, 2) “Наступление Царства Божия”» [8, с. 92].

«Исповедь» – книга о духовной смерти человека и нравственном воскресении его души; о противопоставлении «мира сего» – «царству небесному»; о поиске смысла жизни мирской и стремлении «спасти душу» покаянием перед миром. Эти антиномии Г. Я. Галаган рассматривает как важнейший принцип нравственно-этической системы писателя: «Мир существующий (мир) в системе толстовской мысли – это жизнь человеческая с ее неурядицей, суетой и враждой в человеческих отношениях. Мир должный (мир) – это мир любви, правды и добра» [3, с. 21]. Отрешение от материальной жизни и приобщение к непреходящей духовной сущности мыслилось Толстым возможным вследствие духовной работы, причем момент «просветления» практически всегда оказывался связанным с приближением смерти или ее угрозой. Толстой силой воли и ума задумал победить смерть. О разрешении конфликта вечного и конечного – «ничто» и Я – рассказано им в «Исповеди». В ней отражен поиск Толстым своего Бога как последовательное восхождение от безверия к вере, от лжи к истине, от страдания к любви. И все же это была умоглядная победа, обернувшаяся в реальности рациональным утешением и «художественным самоубийством». Философ начала XX в. С. Н. Булгаков писал по этому поводу: «...Толстой отрекается от своего художественного творчества, хочет убить в себе художника, хотя до конца это художественное самоубийство и никогда ему не удается» [1, с. 247].

Эта книга выстраивается писателем на контрастах, которые организуют все уровни произведения. Толстой показывает, что в открытии мира личность проходит ряд этапов – «ступеней»: «Сознание на первой ступени ищет добра только себе, воображаемому материальному существу; на второй ступени ищет добра только

себе, воображаемому духовному существу; на третьей ступени оно есть добро себе и всему, с чем оно соприкасается: оно ничего не ищет, оно есть, одно есть» [9, с. 15]. В развитии темы «Исповеди» – человек и мир – прослеживаются эти «ступени». Они определяют развитие конфликта и движение сюжета в произведении.

Путь души от трагедии исключительности к всеобщему братству – от покаяния перед миром к поучению мира, от исповеди к проповеди определяет жанрово-стилевое своеобразие книги. Позднее Толстой записал в Дневнике, что два чувства владели им в этот период: «Сознание братства людей и ужас перед той небратской жизнью, в которой я застал себя» [9, с. 164]. «Ужас» требовал покаяния в грехах и обличения – исповеди перед человечеством; «сознание братства людей» рождало проповедь открывшегося смысла жизни – духовной веры всего человечества. Сопряжение этих начал определило концепцию произведения.

Главная тема «Исповеди» преломляется в структуре авторского образа в теме грешного человека и пророка. Толстой антиномичен по своей сути: повествуя из настоящего о прошлом, он не рассказывает, а оценивает, рационалистически осмысливает изображаемое. Осознавая в настоящем незаконность и греховность подобной жизни, Толстой кается от лица людей своего круга перед человечеством, перед всем миром. Тема человека-грешника расширяется до обличения греховности мира существующего, разъединенного с истинным светом. С высоты нового мирозерцания, с позиций новой веры, открывшейся Толстому, вновь возникает авторское Я, но на этом этапе оно контрастно первоначальному. Сознательное возвращение к «прежнему детскому и юношескому» [5, с. 46] родственно исконной детской нравственности народа. Покаяние перед миром дало Толстому право осознать себя Учителем-пророком.

Антитеза «грешник – пророк» организует не только структуру авторского образа, но и художественный строй произведения в целом. Ряд сменяющих друг друга состояний передает ход душевных исканий автора, а двухплановая структура авторского образа создает возможность внутренней драматизации повествования. В произведении происходит разложение монологической внутренней речи на контрастные реплики, данные в форме вопросов и ответов: «Но, может быть, я просмотрел что-нибудь, не понял чего-нибудь? – несколько раз говорил я себе. – Не

может же быть, чтоб это состояние отчаяния было свойственно людям» [5, с. 15].

Лексические повторы и риторические вопросы передают напряженное эмоциональное состояние автора и особым образом организуют текст. Толстой совмещает контрасты, резкие переходы при передаче внутренней речи. Его задача – изложить ход собственных мыслей, которые организуются в антитетическое единство: «Как было **прежде**, так и **теперь**, сказал я себе: стоит мне знать о Боге, и **я живу**; стоит забыть, не верить в него, и **я умираю**. Что же такое эти **оживления и умирания?**» [5, с. 45–46]. Во внутреннем монологе Толстой стремится запечатлеть противоречивую сложность чувства, постоянную смену мыслей. Подобно тому, как в романах внутренний монолог персонажа выявлял неоднозначное состояние героя, его метания и поиск истины, так и в «Исповеди» диалогизированный монолог придает повествованию психологическую убедительность и достоверность.

«Исповедь» полна диссонансов: Толстой не столько декларирует правду, как это будет в последующих публицистических произведениях, сколько показывает путь к ней и момент обретения истины: «**Я искал – Я понял – Я вернулся**». В общей концепции книги эти повторы образуют сюжет духовного поиска автора, начало которого обозначает трагическая ситуация: «Я как будто **жил-жил, шел-шел и пришел** к пропасти и ясно увидел, что впереди ничего нет, кроме гибели. И остановиться **нельзя**, и назад **нельзя**, и закрыть глаза **нельзя**, чтобы не видеть, что ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья и настоящих страданий и настоящей смерти – полного уничтожения» [5, с. 12].

В общей композиции «Исповеди» контрастно противостоящими оказываются два эпизода. В первой части книги Толстой передает ощущение человека, оказавшегося над пропастью, и приводит восточную басню о путнике, застигнутом в пути разъяренным зверем. Толстовское сопоставление завершается моральной сентенцией: «Я ясно вижу дракона, и мед уже не сладок мне. Я вижу одно – неизбежного дракона и мышей, – и не могу отвратить от них взор. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда» [5, с. 14]. Во второй части «Исповеди» писатель создает оригинальную притчу, используя при этом традиционные образы средневековья: море – жизнь, человек – лодка, плывущая по житейскому морю. Для Толстого лодка-берегловцы не абстрактные символы, но образные,

закрепленные вековой традицией понятия, которые комментируют изложение и исследование проблемы: «Берег – это был Бог, направление – это было предание, весла – это была данная мне свобода выгрести к берегу – соединиться с Богом. Итак, сила жизни возобновилась во мне, и я опять начал жить» [5, с. 47]. В полемической сопряженности отмеченных эпизодов обнаруживается то откровение, к познанию которого идет автор и ведет за собой читателя. Символически звучит в ряду традиционных христианских образов весенний пейзаж, вернее, указание на то, что действие происходит ранней весной. Прислушиваясь к звукам весеннего леса и к своему внутреннему голосу, Толстой открывает ту несомненную истину, что «знать Бога и жить – одно и то же», что «Бог есть жизнь» [5, с. 46].

Все художественные образы книги подчинены выражению авторской идеи, ее конкретизации. Толстой стремится дать зримый образ проповедуемой мысли, не ограничиваясь описанием процесса внутренней работы. Писателю важно опровергнуть общепринятое и обосновать «новое» знание, обобщить изложенное, логически аргументировать свою позицию, убедить читателей в непреложности открывшейся истины.

На лексико-синтаксическом уровне движение от запутанности («блужданий» собственной жизни) к простому и ясному ее смыслу выражено системой афоризмов. Афоризмы Толстого выстраиваются на контрастных словах («смерть-жизнь», «смысл-бессмыслица»), противостояние которых призвано обозначить направление поисков автора:

«Истина была то, что жизнь есть бессмыслица» [5, с. 12];

«А истина – смерть» [5, с. 14];

«Счастлив, кто не родился, **смерть** лучше жизни; надо избавиться от нее» [5, с. 27].

Подобный подход к изложению собственного мировидения обуславливал появление темы пророка, которая рождала высокий проповеднический строй произведения, свойственный публицистике. Торжественность авторскому слову придавали как риторические вопросы и восклицания, так и строгая аргументация основных положений и образная система доказательств. Сонвидение воспроизводил в «сжатом образе» все то, что было пережито и описано в книге. Заключительная часть «Исповеди» подводит итог в рассуждениях Толстого, который он облек в инсказательную форму сновидения. Тема двух миров «Исповеди» создавала два плана повествова-

ния – документально-личностный и условно-символический, что обусловило сопряжение в единое художественное целое трагедии и эпоса, исповеди и проповеди. Лирический тон «Исповеди» дополнялся контрастными ему дидактическими интонациями и заставлял факты личной биографии рассматривать как всеобщие. «На перепутье» 1880-х гг. Толстой ощутил в себе дар Пророка и Учителя. Это право дало ему сознание того, что он понял, принял и выражает дух народа, его веру и смысл жизни. Аллегорический сон-эпизод заканчивается словами: «И я проснулся» [5, с. 59]. За их реальным планом скрыт символический план пробуждения к «новой, высшей духовной жизни» [7, с. 420].

«Перестройка мирозерцания» писателя, происшедшая в 1880-х гг., поставила перед ним как актуальную проблему вопрос об отношении к собственному художественному творчеству. Сопоставляя «жизнь людей своего круга» и «жизнь простого трудового народа» [5, с. 47], Толстой свои прежние художественные произведения оценил как искусственные и греховные. О кардинальной смене его внутренних установок можно судить из сравнения двух фрагментов писем этих лет. В июле 1880-го г. он писал Фету: «Теперь лето, и прелестное лето, и я, как обыкновенно, ошалеваю от радости плотской жизни и забываю свою работу. Нынешний год долго я боролся, но красота мира победила меня. И я радуюсь жизнью и больше почти ничего не делаю» [10, с. 19]. В этом фрагменте значительно все: и скрытое противопоставление плотской и духовной жизни, и констатация победы красоты, и субъективное ощущение радости художника от полноты жизни. Письмо к В. Г. Черткову, написанное через четыре года, свидетельствует о новом этапе жизни Толстого: «Живу я нынешний год в деревне как-то невольно по-новому: встаю и ложусь рано, не пишу, но много работаю, то сапоги, то покос. Прошлую неделю всю проработал на покосе» [11, с. 69]. В подчеркнута прозаическом «то сапоги, то покос» содержится откровение иного характера: Толстой усилием воли и духа «победил» «радость плотской жизни».

Этический максимализм Толстого проявился в проповеди ненасилия, которую он облек в форму простых правил и советов, моральных аксиом, известных человечеству. В ней звучали призывы жить по Божьи, спасти душу народной верой. Земля и нравственно живущий на ней человек становились основой утопической цивили-

зации Толстого. В глубине народной души он нашел Бога – нравственный закон мироздания.

При всей кажущейся утопичности провозглашаемых Толстым нравственных принципов жизнеустройства, декларируемые им ценности носят непреходящий характер и становятся крайне важны в ситуации гуманитарного кризиса, в котором оказалось молодое поколение в первое десятилетие XXI в. Обращение к русской классике, в частности, к наследию Л. Н. Толстого, позволяет дать учащимся важные ориентиры и обозначить выход из идеологического вакуума.

Примечания

1. Булгаков С.Н. Тихие думы. – М., 1996.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. – М., 1988. Т. 6.
3. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой. Художественно-этические искания. – Л., 1981.
4. См. об этом: Асмус В.Ф. Религиозно-философские трактаты Л.Н. Толстого // Толстой Л.Н. Пол. собр. соч.: В 90 т. М., 1928-1958. – Т. 23. 1957. – С. XX-XXXIV; Басинский П.В. Лев Толстой: Бегство из рая. – М., 2010; Вакуров В.Н. Образность в публицистике. (К постановке проблемы). – Вестник МГУ. Серия X. Журналистика. 1982. № 4, – С. 19-29; Гала-

ган Г.Я. Л.Н. Толстой: Художественно-этические искания. Л., 1981; Николаева Е.В. О некоторых источниках «Исповеди» Льва Толстого: К вопросу об использовании в произведении традиций древнерусской литературы // Литература Древней Руси. Вып. 4. М., 1983. – С. 118-133; Николаева Е.В. Художественный мир Льва Толстого: 1880-1900-е годы. М., 2000.; Нагина Н.А. Логическое и образное в религиозно-философских произведениях Л. Толстого 80-х годов // Филол. зап.: Вестник литературовед. и языкозн. 1998. – Вып. 10. – С. 52-58; Ореханов Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. – М., 2010.

5. Толстой Л.Н. ПСС (Юб.): В 90 тт. – М., 1928–1958. Т. 23.
6. Толстой Л.Н. ПСС (Юб.): В 90 тт. – М., 1928–1958. Т. 27.
7. Толстой Л.Н. ПСС (Юб.): В 90 тт. – М., 1928–1958. Т. 45.
8. Толстой Л.Н. ПСС (Юб.): В 90 тт. – М., 1928–1958. Т. 50.
9. Толстой Л.Н. ПСС (Юб.): В 90 тт. – М., 1928–1958. Т. 55.
10. Толстой Л.Н. ПСС (Юб.): В 90 тт. – М., 1928–1958. Т. 63.
11. Толстой Л.Н. ПСС (Юб.): В 90 тт. – М., 1928–1958. Т. 85.